

Глава 14

ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Шервые списки. — Члены Временного правительства. — На сцену выходит Керенский. — Первое сообщение о Временном правительстве.

§ 1. Первые списки.

«Неразумные девы» (по выражению Мстиславского), которые 27 февраля нахлынули в Таврический дворец и вошли в состав Временного Исполнительного Комитета Петроградского Совета, были, как мы уже видели, более или менее малоизвестными революционными интеллигентами, которым непосредственно перед революцией так или иначе удалось избежать ареста и высылки из Петрограда. Они мало знали вдруг о друге, о взглядах и прошлом своих товарищей по комитету; единственное, что их объединяло, было общее желание защищать революцию. Они были убеждены, что со стороны Думы революции грозит опасность, поскольку члены ее все еще хотели надеяться, что произошла на самом деле не революция, а в худшем случае нарушение правопорядка, как выразился Милюков, — временный перерыв в конституционной традиции.

В отличие от советского Исполнительного Комитета, Временное правительство планировалось заранее и входившие в его состав лица знали друг друга вполне хорошо, ибо они работали вместе либо в самой Думе, либо в общественных организациях.

Списки членов «правительства доверия», или так называемого ответственного правительства, т.е. кабинета, ответственного перед Парламентом, которые ходили в 1915 и 1916 годах, составлены были не в ожидании революции, а скорее в расчете на то, что император под давлением извне изменит свою позицию и наконец согласится на требования «народа». Восстание в Петрограде и падение голицынского правительства создали непредвиденную ситуацию. Поэтому списки возможных министров волновали всех, хотя никто не знал, кто должен или может в определенный момент сделать нужные назначения. Будет ли это последним актом Николая II перед отречением? Надлежит ли это сделать новому императору или регенту Михаилу? Или правительство должно быть назначено применением революционной процедуры, причем Родзянко станет верховным представителем власти в стране? Если так, то в индивидуальном ли порядке он это сделает, как председатель Думы, или будет действовать совместно с эфемерным думским Комитетом, возникшим после частной встречи членов Думы 27 февраля? Все эти варианты обсуждались в те дни, которые предшествовали

формированию правительства, и все они нашли отражение в разных документах и выступлениях того времени.

Не удивительно поэтому, что «обыкновенные люди», беспокойной толпой собравшиеся 2 марта вокруг Милюкова в Екатерининском зале Таврического дворца, были в полном недоумении относительно того, какая власть назначила Временное правительство. И эти люди задавали «ядовитый вопрос»: «А кто вас избрал?» Много лет спустя, вспоминая этот исторический момент, Милюков писал:

Я мог прочесть в ответ целую диссертацию. Нас не «выбрала» Дума. Не выбрал и Родзянко, по запоздавшему поручению императора. Не выбрал и Львов, по новому, готовившемуся в Ставке царскому указу, о котором мы не могли быть осведомлены. Все эти источники преемственности власти мы сами сознательно отбросили. Оставался один ответ, самый ясный и убедительный. Я ответил: «Нас выбрала русская революция!» Эта простая ссылка на исторический процесс, приведший нас к власти, закрыла рот самым радикальным оппонентам¹.

Не удивительно, что разношерстная толпа, пришедшая осведомиться о новых правителях России, замолкла при звуке священного слова «революция», с благоговением произнесенного человеком, который в течение всей своей политической карьеры проповедовал политическую линию, долженствовавшую сделать революцию ненужной. Но почему и теперь историки русской революции должны принимать такое уклончивое объяснение того факта, что одиннадцать человек объявили себя членами Временного правительства, того самого кабинета, которому надлежало вести страну к победе над внешним врагом и к внутреннему возрождению? Почему «исторический революционный процесс» предпочел Терещенко в качестве министра финансов председателю думской бюджетной комиссии Шингареву? Была ли у этого исторического процесса некая таинственная злобная цель, когда полубезумного Владимира Львова назначали на высокий пост обер-прокурора Святейшего Синода? Милюков прав, утверждая, что перечисленные им лица и институции не имели никакого влияния на состав и назначение Временного правительства. Но упоминание об исторической необходимости вряд ли было когда-либо более неуместно, чем в приведенном выше высказывании Милюкова.

§ 2. Члены Временного правительства.

В действительности список членов Временного правительства составлен был после собеседований в думском Временном Комитете после долгого совещания представителей этого Комитета с представителями Исполнительного Комитета Совета в ночь с 1 на 2 марта. Если сравнить этот список со списками, намечавшимися еще до революции, становится ясно, что во Временное правительство в основном вошли именно те лица, которые готовились занять министерские посты в том случае, если бы царь раньше согласился на «правительство, пользующееся доверием общественности». Однако, известные изменения указывают на появление новых влияний, которые проявились в переговорах между думским Комитетом и Советом.

Как мы видели, Родзянко, кандидатура которого на пост премьер-министра была выдвинута во время августовского кризиса 1915 года, заменили кн. Г.Е. Львовым. Милуков, признавая, что тут сыграл решающую роль он, совершенно откровенно добавляет, что ему было совершенно невдомек, подходит ли кн. Львов на самом деле для этой должности или нет. Во время первого заседания Временного правительства он ужаснулся неумению князя руководить прениями и выразил разочарование своему другу, И.П. Демидову, лаконически заметив: «шляпа»². Много лет потом Милуков спрашивал себя, почему же он собственно предпочел Львова Родзянко, раз по сути дела о Львове просто ничего не знал. Нас же гораздо больше интересует, почему кандидатуру Львова считали тогда более приемлемой, чем кандидатуру председателя Думы, и кто, собственно, организовал широкую кампанию в пользу этого человека, в общем, избегавшего общественного внимания. Стоит напомнить, что Родзянко был заменен кн. Львовым в том предварительном списке либеральных министров, который в апреле 1916 года составлялся на квартире у Н. Прокоповича и Е. Кусковой. Как сообщает сама Кускова³, в этой квартире был кабинет, стены которого были выложены пробкой, там и происходили заседания той странной русской масонской организации, о которой мы говорили в главе восьмой. Похоже поэтому, что за мощной кампанией в пользу кн. Львова стояли масоны. Либеральная печать писала о нем не иначе, как в тоне глубокого уважения, даже почтения. Как о человеке «способном и честном» отзывается о нем и Б. Парес, книга которого о русской армии вышла в 1916 году. Ему, к большому неудовольствию Совета министров, приписывали как главе земского союза все заслуги в снабжении армии. В 1915 году даже сами либеральные министры называли Земгор «Мюр и Мерелизом» военной экономики. В феврале 1917 года еще одним преимуществом Львова перед Родзянко было его активное участие в заговорах, готовивших дворцовый переворот. В то время как Родзянко публично отказался участвовать в каких-либо заговорах, Львов уже нащупывал, как Алексеев и великий

князь Николай Николаевич отнесутся к возможному свержению Николая II. Наконец, было распространено убеждение, что центральные комитеты общественных организаций располагают реальной властью над большой сетью местных комитетов, которые в любую минуту могут заменить собой бюрократический аппарат. Ведь в декабре 1916 года как раз князь Львов заявлял, что правительственный аппарат можно полностью игнорировать, а страной управлять посредством организаций, которые он возглавляет.

Именно последнее соображение, наверно, и натолкнуло «великих избирателей» думского Комитета на то, чтобы доверить министерство внутренних дел новому премьер-министру. Первоначально, согласно списку 1915 года, пост министра внутренних дел предназначался Гучкову. Но с тех пор левые партии не упускали случая напомнить, что Гучков поддержал Столыпина в подавлении революции 1905 года. Назначение его на этот пост предполагало, что он займется реорганизацией полиции и внутреннего управления, а это было совершенно неприемлемо для революционных партий и Петроградского Совета. Таким образом неблагоприятная задача внутреннего управления и водворения порядка легла на долю главы нового Временного правительства. Он не справился с этой непосильной задачей, и это привело к тому, что уже с самого начала Временное правительство непоправимо теряло авторитет.

Помимо объективных причин для избрания кн. Львова на пост главы правительства, надо учесть еще и личное предпочтение со стороны Милюкова. Он предпочитал Львова Родзянко и надеялся, что при мягком премьер-министре политику правительства на самом деле направлять будет он. Он и сговорился с представителями Совета — Соколовым, Сухановым и Стекловым — в ночь с 1 на 2 марта о будущем составе правительства. Но, как мы уже видели, Милюков не совсем отдавал себе отчет в том, каковы личные связи между отдельными членами той «команды», которую он выдвинул и о которой сговорился с представителями Совета. Он не понимал, что пятеро из десяти членов нового правительства связаны некоей — как сам он позднее описал ее — личной связью, «не просто политического, а нравственно-политического характера»⁴. К этой пятерке относился и премьер-министр кн. Львов, который хотя и не принадлежал формально к масонской организации, в которую входили Керенский, Терещенко, Некрасов и Коновалов, однако настолько тесно связан был с заговорщической деятельностью масонов, что в конце концов оказался под влиянием этих членов правительства в гораздо большей степени, чем под влиянием самого Милюкова, изначально поддержавшего его кандидатуру против Родзянко.

Сам Милюков с удовольствием взял себе министерство иностранных дел. Он считал такое назначение «естественным». В какой-то степени это и правда было так, ибо с тех пор, как появились списки либерального правительства, у Милюкова не было соперников именно на этот пост. Однако важно, что Милюков стал главной мишенью нападок слева и что его пришлось принести в жертву задолго до того, как сформировано было первое коалиционное правительство с социалистами, в начале мая.

Другие назначения членов правительства явно отражают давление масонских элементов. Все ждали, что если будет сформировано правительство «народного доверия» или вообще какое-либо либеральное правительство, министерство финансов уйдет к председателю думской бюджетной комиссии кадету Шингареву. Вместо него назначен был М.И. Терещенко, который не был членом Думы. Когда толпа, собравшаяся 2 марта в Таврическом дворце, чтобы узнать о создании Временного правительства, услышала от Милюкова имя Терещенко, раздались недоумевающие и удивленные вопросы: «А кто это такой? Кто он?» Милюков признает, что ему трудно было объяснить выбор. Он сказал, что в такой огромной стране невозможно знать всех лучших людей, разбросанных в разных ее концах, и сослался на прекрасную работу, проделанную Терещенко в военно-промышленных комитетах. В мемуарах, написанных тридцать лет спустя, Милюков утверждает, что давление в пользу этого назначения исходило из тех же кругов, что и давление в пользу включения во Временное правительство Керенского; это были те самые круги, которые питали республиканские настроения Некрасова и радикализм Коновалова и Ефремова: иными словами, те масонские организации, которые, по какой-то непонятной причине, Милюков не хотел называть их настоящим именем.

У Терещенко, конечно, не было абсолютно никакой подготовки для чрезвычайно неблагодарного поста министра финансов обанкротившейся России. Но никто тогда не думал о личных качествах, отбирая людей на разные посты во Временном правительстве. Решающими были соображения политические, или, если использовать выражение Милюкова, — нравственно-политические.

В назначении министра путей сообщения (железных дорог и судоходства) тоже ощущается участие масонов. Н.В. Некрасов всегда был кандидатом либералов на этот пост; по образованию он был инженер, видный член левого крыла кадетской партии и активный сотрудник Гучкова и Коновалова в Центральном военно-промышленном комитете, где он ведал деятельностью рабочих групп. Назначение его представилось бы весьма естественным, если бы министерство путей сообщения не было уже отдано от имени Временного Комитета Думы Бубликову, который тоже был членом Думы,

обладал широкими связями в железнодорожной администрации и входил в Прогрессивный блок.

Утром 28 февраля Комитет Думы назначил комиссаров, которые должны были взять в свои руки управление министерствами, реально воспользовался этим назначением один только Бубликов. Его краткое пребывание на посту министра путей сообщения сыграло огромную роль в успехе революции. У железной дороги была своя собственная система связи, и Бубликов информировал страну о том, что происходило в столице, в то время, как в губерниях местные власти еще цензурировали газетные отчеты о событиях в Петрограде. Известия, передаваемые по железнодорожному телеграфу по всей стране, создавали атмосферу тревожного ожидания, которое превратилось во всеобщее ликование, когда, с опубликованием манифеста об отречении, стало ясно, что переворот нигде не встретит сопротивления царской администрации и не вызовет гражданской войны. Не в меньшей степени Бубликов повлиял на позицию высшего военного командования и, в частности, генерала Алексеева. В первом воззвании к железнодорожникам Бубликов призывал не жалеть усилий для снабжения армии. Когда эту телеграмму показали Алексееву, у того создалось впечатление, что новое руководство Думы стоит на высоко патриотических позициях. Эта телеграмма, наряду с другими известиями из столицы, тоже вводившими в заблуждение, заставила Алексеева приказать генералу Иванову повременить с походом на Петроград и послать приводившуюся выше телеграмму № 1833⁵.

28 февраля и 1 марта Бубликов настойчиво пытался остановить императорские поезда. Он приказал задержать их в Бологом и перекрыть путь на Псков. Этого не случилось только потому, что железнодорожная жандармерия все еще держала под контролем все эти станции. Поведение Бубликова в министерстве было совершенно революционным. Он арестовывал чиновников, отказавшихся ему подчиняться. Он вызвал специалиста-путейца профессора генерал-майора Ломоносова и назначил его своим помощником. В основном благодаря энергии и решимости Бубликова вся железнодорожная система (которая в России более, чем где бы то ни было, соответствовала тому, чем является система кровообращения в живом организме) продолжала бесперебойно работать в критические дни. Если когда-нибудь существовало спонтанно возникшее революционное руководство, то это было управление железнодорожным транспортом, организованное Бубликовым. Поэтому не трудно представить себе его негодование, когда он узнал о назначении Некрасова. Ему предложили стать заместителем Некрасова, от чего он, естественно, отказался. Бубликов вновь оказался на виду во время московского государственного совещания в

августе 1917 года, где он пожал руку Церетели, символически выражая таким образом единство целей российской радикальной буржуазии и социалистического рабочего движения. Впоследствии он эмигрировал в Соединенные Штаты, где издал небольшую книгу воспоминаний о революции, с ядовитейшими выпадами прошив членов первого Временного правительства⁶.

В момент образования Временного правительства считалось, что Некрасов — близкий политический и личный друг Милюкова. На самом деле это было не так. В годы и месяцы, предшествовавшие революции, Некрасов атаковал позиции Милюкова в центральном комитете партии кадетов и пытался всякими закулисными маневрами подорвать его авторитет. Набоков в воспоминаниях⁷ называет Некрасова «фальшивым человеком», а Милюков в воспоминаниях говорит о нем — «просто предатель». При этом он имеет в виду тайный сговор между Некрасовым, Керенским и Терещенко, который в конце концов повел к его, Милюкова, удалению из Временного правительства. Но ни Керенский, ни Терещенко, в отличие от Некрасова, не связаны были с Милюковым ни партийно, ни лично. В назначении Некрасова и в том, как пагубно влиял он на последующую внутреннюю эволюцию Временного правительства, следует видеть еще один пример того, как опасно было воздействие тайных обществ на управление страной в 1917 году. Конечно, партийные друзья Некрасова неохотно это признавали, пытались объяснить предосудительность его поведения и двурушничество недостатком характера. Его называли злым гением русской революции.

Некрасов не пробыл во Временном правительстве до горького конца. Незадолго до октябрьского переворота он принял пост генерал-губернатора Финляндии. Он был одним из немногих членов Временного правительства, которые пошли на службу к большевикам. В 1930 году его обвинили в саботаже и посадили в тюрьму; по слухам, он умер в 1940 году.

У нас меньше оснований приписывать назначение Коновалова на пост министра промышленности и торговли тем тайным влияниям, которые сыграли роль в назначении Терещенко, Некрасова и Керенского, хотя Коновалов и принадлежал к той же ведущей группе политического масонства. Крупный промышленник, просвещенный работодатель и благотворитель, щедрый поборник всего «прогрессивного» — эта репутация делала назначение Коновалова почти неизбежным. История его пребывания во Временном правительстве не проста. Он был одним из первых, кто восстал против политики, а вернее — против отсутствия всякой политики у Временного правительства, и отказался от поста. Но потом, под давлением Керенского, занял место заместителя премьер-министра. В октябре он был арестован в Зимнем дворце вместе с другими

членами Временного правительства. Вполне возможно, что судьбы Кокоркина и Шингарева (убитых в декабре 1917 матросами) ему удалось избежать благодаря протекции Скворцова-Степанова или Петровского, большевиков, с которыми он пытался добиться взаимопонимания весной 1914 года, когда они обратились к нему, чтобы получить деньги для большевистской партии⁸. Приходится лишь сожалеть о том, что он, как Терещенко и Некрасов, не оставил никакого письменного свидетельства об общественно-политических целях, преследовавшихся организацией, к которой они (наряду с Керенским) все трое принадлежали. Не имея никаких сведений об этом, трудно понять действительные побуждения и хаос поступков членов этой организации, которые, фактически не используя власть, занимали в России ту единственную позицию, с которой власть могла быть использована после краха монархии и до созыва Учредительного собрания.

Шингарев получил министерство сельского хозяйства. В начале предполагалось, что он станет министром финансов, но ему пришлось уступить пост Терещенко. Перемена эта ему не понравилась, и близкие к нему люди отметили его подозрительность и нежелание что-либо поручать подчиненным. Возможно, это было последствием ощущения, что его назначение и пребывание на данном посту зависят от тайных сил и соглашений, к которым сам он абсолютно непричастен. То же чувство испытывали и другие члены Временного правительства, не принадлежавшие к «сферам». И в течение восьми месяцев существования Временного правительства оно постоянно нарастало.

Назначение Гучкова на пост военного министра было в некотором смысле так же «естественно», как назначение Милюкова на пост министра иностранных дел. Оно совершилось без ведома и определенного согласия Гучкова, о его назначении объявили в тот момент, когда он сам ехал в Псков, чтобы убедить Николая II отречься. В предшествовавшие два дня он изо всех сил старался организовать защиту революционной столицы, потому что, по слухам, с фронта двигались надежные части. В связи с этим Гучков сносился с рядом офицеров петроградского гарнизона, причастных к плану дворцового переворота, который готовил Гучков. Дело, затеянное Гучковым, было нелегким, да и не безопасным. Ближайший помощник его, князь Вяземский, убит был прямо рядом с ним в автомобиле при объезде более чем сомнительных отрядов, которые должны были обеспечить защиту революционной столицы от любых войск, присланных для подавления восстания.

Гучкова всю жизнь захватывала проблема модернизации русской армии, он был членом думской комиссии по бюджету армии и флота, поэтому при назначении

военного (а временно и морского) министра выбор пал на него. Гучков считал себя пионером новейших достижений в военном деле. У него были обширные связи в офицерской среде, из которой он черпал информацию и помощь. Эта группа была известна под именем «младотурок», потому что одно время Гучков очень интересовался приемами совершенной ими революции. Содействуя армейской реформе, Гучков, конечно, натолкнулся на противодействие военного министра Сухомлинова. Гучков занимался травлей Сухомлинова в Думе, а позже, после смещения последнего, подстрекал назначить по его делу судебное разбирательство. Если у него были среди офицеров друзья, то были и враги. Краткое пребывание Гучкова на посту военного министра ознаменовалось массовой чисткой командного состава армии; проскрипционные списки шли из канцелярии министра. В списки попали те, кто, по его мнению, либо был нежелателен политически, либо некомпетентен. Эти списки следует считать одной из главных причин упадка армии; по значению их можно сравнить только с Приказом № 1 и с большевистским науськиванием солдат на командиров.

Свидетельства о кратком пребывании Гучкова на министерском посту и его собственные воспоминания выдают какую-то раздвоенность. С одной стороны, он бесспорно принадлежал к крайне правому крылу временного правительства. Он вместе с Милюковым пытался убедить великого князя Михаила принять престол. Он был убежденным и пламенным сторонником продолжения войны до победного конца и решительно сопротивлялся попыткам Временного правительства провести социалистическое законодательство до созыва Учредительного собрания. С другой стороны, все, что он предпринимал против распространения пораженческих и подрывных идей в армии, было слабо и непоследовательно. Он раздражал руководителей Петроградского Совета авторитарностью тона и нежеланием с ними разговаривать, и при этом готов был делать им уступки даже тогда, когда отлично сознавал, что это пагубно отразится на боеспособности армии. Все время, пока он был министром, им владел полный пессимизм, здоровье его так быстро ухудшалось, что правительство часто вынуждено было собираться у его постели. Может быть, не совсем неправдоподобно будет объяснить тот беспорядок, который царил в душе Гучкова, сугубо индивидуальными особенностями его переживаний в дни революции. Петроградское народное восстание опередило тщательно готовившийся им дворцовый переворот. 2 марта у Гучкова еще мелькала мысль, что задуманное можно осуществить как бы в обратном порядке: вместо того, чтобы сначала добиваться отречения ненавистного и презренного императора, а затем провозглашать конец позорного,

нестерпимого режима и начало новой эры, эры единодушных усилий правительства и народа на благо России, можно использовать петроградское восстание как средство, чтобы заставить царя отречься и избежать гражданской войны. Поэтому его разговор с царем стал как бы неким кошмарным искажением той встречи, на которую он надеялся и которую несомненно воображал в подробностях. Хотя его и предупреждали, что революционная атмосфера Петрограда продолжает накаляться, он по возвращении отправился в железнодорожные мастерские, чтобы объявить о вступлении на престол императора Михаила II. Это чуть не стоило ему жизни, а к слову сказать — и акта об отречении, он чуть его не лишился. Из-за этого он опоздал к княгине Путятиной, у которой обсуждали, должен ли Михаил принять престол или нет. Усталый и выбитый из колеи, Гучков не очень ревностно поддерживал настойчивую просьбу Милюкова, чтобы великий князь вступил на престол⁹.

Как и Милюков, Гучков стал членом правительства, созданного той самой революцией, которую он хотел предотвратить дворцовым переворотом. Как и Милюков, он хотел подать в отставку после отречения великого князя. В своих мемуарах он утверждает, что остаться его убедил Милюков. Гучков ненадежный мемуарист, а Милюков этого его утверждения не подтверждает. После того, как он в конце апреля все-таки подал в отставку, политическая карьера Гучкова фактически кончилась, хоть он и продолжал заниматься политическими интригами до конца своих дней; эти интриги ни в коей мере не делали ему чести, а всем тем, кто так или иначе был в них замешан, принесли много горя¹⁰.

Посты государственного контролера и обер-прокурора Св. Синода отошли к двум представителям умеренно правого крыла Думы, Годневу и Владимиру Львову (ничего общего не имевшему с премьер-министром Кн. Г.Е. Львовым). Вследствие своей правизны, они оба чувствовали, что их положение во Временном правительстве очень неустойчиво. Стараясь по мере сил исправить дело, они всегда становились на сторону левых членов правительства, иными словами — неизменно голосовали за каждое предложение Керенского. Годнев не оставил по себе заметных следов в истории Временного правительства. К сожалению, нельзя сказать того же о Владимире Львове, который всегда хотел стать обер-прокурором Св. Синода. Неудачу своих попыток добиться желаемого он приписывал пагубному влиянию Распутина и питал жгучую ненависть к тем представителям духовенства, которых подозревал в близости к нему. Революция осуществила его любимую мечту. На должности обер-прокурора Св. Синода он проявил себя самым капризным и деспотическим начальником, которого когда-либо имело это ведомство. Епископы, вызываемые в Петроград, приходили в

совершенный ужас от обращения Львова, некоторые даже искали помощи у Петроградского Совета против чересчур рьяного обер-прокурора. Власть Львова кончилась во время июньского кризиса Временного правительства, тогда решено было избавиться от всех его членов, которые стояли правее кадетов. Бешенство Львова обрушилось на Керенского, которому он, по словам Милюкова, поклялся никогда не прощать. Позже, в августе, Львов сыграл совершенно невероятную роль в возникновении того недоразумения, которое привело к так называемому корниловскому делу. Керенскому он выдал себя за эмиссара Корнилова, а Корнилову представился как эмиссар Керенского. Последовавшая путаница была одним из самых трагических событий в русской истории. Владимир Львов эмигрировал с Белой армией и в 1920 году очутился в Париже; он опубликовал серию диких статей о корниловском деле; публикация прекратилась только после того, как В.Д. Набоков обратился к редакции газеты с протестом по поводу нелепого вздора, который Львов предлагает читателям. Вскоре после публикации статей Львов прочел лекцию, в которой заявил, что единственное правительство, защищающее великие исторические традиции России, — это советское правительство. Несколько позже он вернулся в СССР, вступил в Союз Безбожников и стал писать антирелигиозные статьи в газетах.

Конечно, создатели Временного правительства никак не могли себе представить, что человек, избранный ими занять пост обер-прокурора Св. Синода, станет при большевиках заниматься пропагандой атеизма. Но ведь и тогда, очевидно, должно было быть в поведении злополучного Львова что-то такое, что могло заставить воздержаться от поручения ему важных постов. Благодушная и мягкая характеристика, данная в 1918 году этому человеку Набоковым, пожалуй, кое-что проясняет:

Обер-прокурор Св. Синода В.И. Львов так же, как и Годнев, был одушевлен самыми лучшими намерениями и так же поражал своей наивностью да еще каким-то невероятно легкомысленным отношением к делу — не к своему специальному делу, а к общему положению, к тем задачам, которые действительность каждый день ставила перед Временным правительством. Он выступал всегда с большим жаром и одушевлением, и вызывал неизменно самое веселое настроение не только в среде правительства, но даже у чинов канцелярии¹¹.

Это не совсем оправданное веселье вызывала смесь пустой риторики и революционной демагогии в речах Львова.

Мало что можно сказать про первого министра народного просвещения Временного правительства профессора Мануйлова. Это был культурный человек с добрыми намерениями. Став министром по чувству гражданского долга, он одним из первых понял, как ничтожно влияние правительства на ход революционных событий. Говорили, он считал, что правительство в полном составе должно отказаться от власти. Очевидно, он испытал большое облегчение, передав печати своего ведомства сменившему его проф. С.Ф. Ольденбургу.

§ 3. На сцену выходит Керенский.

А.Ф. Керенский вошел в состав Временного правительства сначала в качестве министра юстиции. Здесь не место оценивать его личные свойства или описывать обстоятельства, которые привели к его молниеносному взлету в течение следующих восьми месяцев. Необходимо, однако, сказать несколько слов о том, из каких соображений этот социалист был включен в преимущественно «буржуазное» Временное правительство. Милюков считал, что на кандидатуре Керенского настояли те же самые масонские круги, которые добились назначения Терещенко. Это совершенно лишний и неубедительный домысел. Когда стало ясно, что управлять придется Россией революционной, появились все основания, чтобы предложить Керенскому войти в правительство. Керенский в качестве думского лидера трудовиков (во фракцию их входили социалисты не-марксисты) и Чхеидзе как лидер маленькой группы меньшевиков-марксистов стали членами Временного Комитета Думы, назначенного «советом старейшин» 27 февраля. Было вполне естественно, что представителей обеих групп попросили вступить во вновь составленное правительство, тем более, что и Керенский, и Чхеидзе тем временем были избраны в президиум вновь созданного Петроградского Совета. Чхеидзе предложили пост министра труда, но он отказался занять какую-либо должность в новом правительстве, потому что революционные интеллигенты, под председательством того же Чхеидзе составлявшие временный Исполнительный Комитет Петроградского Совета, решили в своей марксистской мудрости, что революция произошла «буржуазная» и, следовательно, ответственность за управление целиком должна пасть на буржуазные партии, а социалистам следует оставить за собой полную свободу действий — как в поддержке, так и в противодействии этому чисто «буржуазному» правительству. В принципе, Керенский тоже был связан решением Исполнительного Комитета, хоть он и не принимал участия в обсуждении. Однако решение это Керенскому удалось обойти,

сделав ход, который очень характерен для тактики, использовавшейся им в революционные дни, и который имел громадные последствия в его революционной карьере.

Поведение Керенского определялось тогда ощущением, не совсем «оправданным, что это — *его* революция, и если нельзя сказать, что он ее вызвал, то уж во всяком случае он станет ее выразителем, и по собственной инициативе, без подсказок и поддержки каких бы то ни было организаций, за исключением разве той масонской группы, к которой он принадлежал. В воскресенье 26 февраля Керенский собрал у себя на квартире представителей разных течений, которые начали понимать, что уличные беспорядки в столице могут повести к серьезным политическим событиям. Он очень удивился, убедившись в чрезвычайно пессимистическом настроении представителей крайне левых, например, Юренева: он говорил, что в рабочей среде революционная волна начинает спадать. На следующее утро, узнав, что петроградский гарнизон взбунтовался, Керенский немедленно решил подбодрить всех своим примером и заставить Думу возглавить революцию. Как и Бубликов, он принадлежал к числу тех, кто хотел, чтобы Дума собралась на официальное заседание, не считаясь с царским декретом о роспуске¹². Ему не удалось добиться своего, его имя попало в список «Комитета членов Государственной Думы для водворения порядка в столице и для сношения с лицами и учреждениями», как первоначально довольно робко сам себя величал думский Комитет. Керенский, однако, не принимал участия в напрасных комитетских прениях. Он, как бесплотный дух, носился по Таврическому дворцу, был как бы везде одновременно всюду дерзновенно проповедовал революцию, которая все еще была предметом недоумения и споров для его коллег по Комитету Думы. Когда 27 февраля какие-то студенты схватили в Таврическом дворце председателя верхней палаты, сенатора Щегловитова, именно Керенский тут же «именем народа» его арестовал. Это произошло буквально через несколько минут после того, как председатель Думы, поздоровавшись, просил Щегловитова зайти к нему в кабинет поговорить. Следует помнить, что в тот момент положение Комитета Думы было еще очень шатко, а Родзянко еще не решился возглавить революцию и вел переговоры с голицынским правительством и великим князем Михаилом, пытаясь составить «правительство доверия» под эгидой императора. Тем не менее Родзянко позволил члену Думы, которой он был председателем, арестовать в своем присутствии председателя верхней палаты и приказать увести его в министерский павильон в саду Таврического дворца. Этот павильон быстро превращался в тюрьму, в которой содержались члены императорского правительства. Позже, когда в Думу силой привели

другого представителя старого строя, генерала Сухомлинова, Керенский уберег его от солдатской расправы, серьезно, как он сам считал, рискуя собственной жизнью. 28 февраля именно Керенский говорил с солдатами, которые «перешли на сторону народа» и расположились табором около Таврического дворца. Во второй половине дня у дворца раздались выстрелы, среди заседавших в Совете началась паника; Керенский в это время суетился в помещении военной комиссии и как раз прибежал в комнату номер 1. Думая, что дворец осадили казаки, он вскочил на подоконник и, просунув голову в узкую форточку, срывающимся, хриплым голосом закричал: «По местам! Защищать Государственную Думу! Слышите меня? С вами говорит Керенский... Это Керенский... Защищайте вашу свободу, защищайте революцию, защищайте Государственную Думу!» Когда Суханов¹³, который описал этот инцидент и клянется, что так все и было, попробовал спорить с Керенским, спокойно объясняя ему, что незачем вызывать панику еще большую, чем та, которая уже возникла из-за выстрелов, Керенский сердито отвечал: «Я прошу всех исполнять свои обязанности и не вмешиваться, когда я даю приказания».

Не удивительно, что Керенский, которому сама судьба назначила стать паладином революции, не желал иметь дела с малодушными и циниками. Когда в ночь с 27 на 28 февраля Родзянко решился, наконец, возглавить революционное движение, он явился в думский Комитет и объявил, что согласен, но при одном условии: «Я требую, — сказал он, по рассказу Милюкова, — и это особенно относится к вам, Александр Федорович, чтобы все члены Комитета безусловно и слепо подчинялись моим распоряжениям»¹⁴.

Один только Керенский и протестовал против нелепого требования, которое выдвинул сам себя назначивший диктатор русской революции.

Керенский напомнил Родзянко, что он, в конце концов, заместитель председателя Совета рабочих депутатов и поэтому никак не может дать такого обязательства. Тот факт, что Родзянко особо выделил именно Керенского, по всей вероятности, был реакцией на арест Щегловитова, произошедший в тот же день.

Такие нежелательные попытки повлиять на Керенского в революционной ситуации (как он это понимал) исходили не только справа, от Родзянко и думского Комитета, но и слева, от Исполнительного Комитета Совета. Как только ему предложили пост министра юстиции, на который первоначально прочили юриста, правого кадета В. Маклакова, Керенский попытался выяснить, как отнесется к этому Исполнительный Комитет Совета. Он поговорил с Сухановым, который ему объяснил, что этот вопрос обсуждался, что Исполнительный Комитет поставил его на

голосование и что тринадцатью голосами против восьми постановлено было, что ни один представитель революционной демократии не должен пока входить в правительство. Суханов посоветовал Керенскому либо подчиниться решению Исполнительного Комитета, либо сложить с себя должность заместителя председателя и уже после этого стать членом буржуазного правительства. Суханов, очевидно, предпочитал последнее решение. Не удивительно, что революционное рвение Керенского и успех, которым пользовались у толпы его зажигательные речи, смущали Суханова, как, может быть, и других интеллигентов в Исполнительном Комитете. Переход Керенского из советского в буржуазный лагерь, на взгляд Суханова, мог сделать его безвредным. Но сам Керенский понимал положение совершенно иначе.

Вечером 2 марта, уже приняв пост министра во Временном правительстве, Керенский явился на заседание Совета, тогда уже выродившееся в подобие уличного митинга, на котором случайные ораторы выкрикивают в толпу все, что приходит им в голову, а толпа, пусть и уставшая, восторженно аплодирует. По некоторым свидетельствам, официальная часть заседания только что кончилась, но присутствующим это было, видимо, не совсем ясно. Бледный и чрезвычайно возбужденный, Керенский взобрался на стол и попросил слова. Непонятно, кто дал ему слово, Чхеидзе или кто-нибудь другой из представителей Комитета. Речь, которую он произнес, имеет большое значение. Две различные ее версии опубликованы были в листке «Известия»¹⁵, который выпускала группа аккредитованных при Думе журналистов. В номере 6–7, помеченном 2–3 марта, речь приводится в иной версии, чем та, которая появилась в том же самом листке сутки спустя. Вторая версия опубликована в сборнике документов о Временном правительстве под редакцией Броудера и Керенского. Однако, мне представляется, что первая версия более точно воспроизводит атмосферу и что в ней сохранились безо всяких изменений некоторые признания, ценные для понимания особой позиции Керенского:

Товарищи, я должен сделать вам сообщение чрезвычайной важности.

Товарищи, доверяете ли вы мне? (Возгласы: «доверяем!»). В настоящий момент образовалось Временное правительство, в котором я занял пост министра юстиции. (Бурные аплодисменты, возгласы: «Браво!»). Товарищи, я должен был ответить в течение пяти минут и поэтому не имел возможности получить ваш мандат до решения моего вступления в состав Временного правительства.

Товарищи, в моих руках находились представители старой власти, и я не решился выпустить их из своих рук. (Бурные аплодисменты и возгласы: «Правильно!»).

Я принял сделанное мне предложение и вошел в состав Временного правительства в качестве министра юстиции. (Новый взрыв аплодисментов).

Немедленно по вступлении на пост министра я приказал освободить всех политических заключенных и с особым почетом препроводить из Сибири сюда, к нам, наших товарищей-депутатов, членов социал-демократической фракции Четвертой Думы и депутатов Второй Думы. (Бурные аплодисменты, переходящие в овацию). Освобождаются все политические заключенные, не исключая и террористов.

Я занял пост министра юстиции для созыва Учредительного собрания, которое должно будет, выражая волю народа, установить будущий государственный строй. (Бурные аплодисменты). До этого момента будет гарантирована полная свобода пропаганды и агитации по поводу формы будущего государственного устройства России, не исключая и республики. (Бурные аплодисменты).

Ввиду того, товарищи, что я принял на себя обязанности министра юстиции до получения от вас на это полномочий, я слагаю с себя звание товарища председателя Совета рабочих депутатов. Но для меня жизнь без народа невысказана и я вновь готов принять от вас это звание, если вы признаете это нужным. (Просим, просим!).

Товарищи, войдя в состав Временного правительства, я остался тем, чем был — республиканцем. (Шумные аплодисменты).

В своей деятельности я должен опираться на волю народа. Я должен иметь в нем могучую поддержку. Могу ли я верить вам, как самому себе? (Бурные овации. Возгласы: «верим, верим!»). Товарищи, я не могу жить без народа, и в тот момент, когда вы усомнитесь во мне, убейте меня. (Новый взрыв оваций).

Я заявлю Временному правительству, что я являюсь представителем демократии, что Временное правительство должно особенно считаться с теми мнениями, которые я буду отстаивать в качестве представителя народа, усилиями которого была свергнута старая власть. (Аплодисменты. Возгласы: «Да здравствует министр юстиции!»).

Керенского на руках внесли в комнату Исполнительного Комитета, и стало совершенно ясно, что он одержал полную победу. Совет не только одобрил его присутствие во Временном правительстве, но и утвердил в качестве заместителя председателя Совета, поэтому он мог считать, что его назначили не какие-то анонимные круги (как прочих членов Временного правительства), а избрал сам народ.

В силу этого, он сразу стал претендовать на особое положение в правительстве, рассчитывая, что к его мнениям и советам будут относиться совершенно иначе, чем к мнениям других министров. Конечно, не было оснований требовать таких привилегий, но его положение, как министра Временного правительства, и впрямь в некотором смысле отличалось от положения всех остальных. Месяцами, годами все они добивались власти, чтобы предотвратить революцию, но вот получили власть исключительно благодаря революции. Керенский же никак не мог надеяться стать министром в царской России. Он всегда считал, что время его придет лишь с революцией. Все остальные, воспользовавшись петроградским восстанием, с удовольствием бы перестали считать себя членами революционного правительства. Нельзя забывать, что когда правительство было сформировано, отречения еще не было, хотя скоро уже Милюкову предстояло объявить, что «старый деспот, приведший Россию на грань катастрофы, должен или отречься или быть свергнут». Но Милюков предполагал, что царем, при регентстве великого князя Михаила, станет наследник. Керенский же вошел в правительство как республиканец и требовал для себя права открыто вести пропаганду в пользу республики. Во второй версии его речи упоминания о республиканских взглядах исчезли, но это не значит, что их и не было. Менее чем через сутки Керенский воспользовался первой же возможностью, чтобы применить свои республиканские убеждения на практике, приняв участие в переговорах, результатом которых было отречение великого князя Михаила.

§ 4. Первое сообщение о Временном правительстве.

Родзянко и Милюков согласовали состав Временного правительства после переговоров между представителями думского Комитета и Исполнительного Комитета Совета. Переговоры эти тянулись вплоть до раннего утра 2 марта. Керенский дал согласие всего за несколько минут до того, как Милюков объявил о создании нового правительства. Некоторые из вновь назначенных министров, во всяком случае один из них, Гучков, очевидно, до тех пор не были уверены, что станут членами правительства, пока Милюков не объявил их имена.

Имена членов нового правительства прочесть было нетрудно, труднее было объяснить, какой властью они назначены. В Пскове, как мы видели, Гучков готов был согласиться, чтобы император при отречении назначил премьер-министром кн. Львова. Нам известно, что император действительно подписал указ об этом назначении. Позже, ради сохранения революционного престижа Временного правительства, приходилось

опровергать, что назначение кн. Львова санкционировано императором. И действительно, если принять во внимание настроения петроградской толпы, то 2 марта санкция императора выглядела уже совершенно немислимой. С другой стороны, нельзя было упоминать, что на создание нового правительства дал формальное согласие советский Исполнительный Комитет, хотя именно это произошло в ночь с 1 на 2 марта во время переговоров между двумя комитетами. Выбранные Родзянко и Милюковым министры отказались бы от чести быть членами правительства милостью Совета: ведь это в принципе значило бы, что правительство подчинено Совету (что на самом деле, конечно, так и было, но не признавалось). Да и Исполнительный Комитет Совета не захотел бы официально быть связанным с новым правительством. Исполнительный Комитет Совета очень хотел, чтобы так называемая цензовая общественность полностью взяла на себя ответственность за создание новой власти, и оставлял за собой право поддерживать политику этого правительства только в той мере, в какой оно будет способствовать социальной революции.

Первое официальное сообщение о создании Временного правительства появилось в утреннем выпуске газет 3 марта 1917 года. Это было обращение «к товарищам и гражданам», форма которого приводила в замешательство не меньше, чем содержание. В декларации говорилось, что временный «Комитет членов Государственной Думы при содействии и сочувствии столичных войск и населения достиг... такой степени успеха над темными силами старого режима, которая позволяет ему приступить к более прочному устройству исполнительной власти». После этого следовал список членов нового правительства под председательством кн. Г.Е. Львова. Поэтому казалось, что сообщение сделано от имени думского Комитета, который и есть учреждение, ответственное за создание нового правительства. Поскольку председателем этого Комитета был Родзянко, можно было ожидать, что он его и подпишет, один или совместно с другими членами. На самом деле было совсем не так. Вслед за подписью Родзянко следовали не имена членов думского Комитета, а имена назначенных этим Комитетом новых министров. Правда, некоторые имена есть в обоих списках. Но получается так, что думский Комитет как будто испарился, наподобие тех странных насекомых, которые, отложив яйца, умирают. Подписи новых министров, упомянутых в документе, могли иметь некий смысл, поскольку вторая часть документа содержит своего рода программу нового правительства, выработанную в переговорах между думским Комитетом и Исполнительным Комитетом Совета. Программа эта содержит восемь пунктов, излагающих руководящие принципы деятельности нового правительства и ярко отражающих столкновение, предшествовавшее соглашению

между двумя комитетами. Пункты эти следующие: 1) Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе террористических покушений, военных восстаний и аграрных выступлений¹⁶. 2) Свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек, с распространением политических свобод на военнотружущих, в пределах, допускаемых военно-техническими условиями. 3) Отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений. 4) Немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования Учредительного собрания¹⁷. 5) Замена полиции народной милицией и выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления. 6) Выборы в органы местного самоуправления на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. 7) Неразоружение и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении. 8) При сохранении строгой воинской дисциплины в строю и при несении военной службы, устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам.

Таким образом, документ в начале оформлен как объявление Комитета Думы, а в конце превращается в заявление Временного правительства: «Временное правительство считает своим долгом присовокупить, что оно отнюдь не намерено воспользоваться военными обстоятельствами для какого-либо промедления по осуществлению вышеизложенных реформ и мероприятий»¹⁸.

Публикуя эту декларацию, только что сформированное Временное правительство уже начинало тот процесс самоуничтожения, который в конце концов привел его к гибели. В пункте 5 оно фактически отказывалось от использования централизованной полиции, тем самым создавая благоприятную почву для расплзающейся анархии. В пункте 7 оно обещало восставшему петроградскому гарнизону то, что стало наибольшим препятствием на пути к восстановлению порядка и дисциплины и наряду с Приказом № 1 должно рассматриваться как важнейший фактор разложения русской армии.

Сорок лет спустя Милуков объяснил, почему он уступил требованиям советских представителей по этому пункту: он не мог отклонить его, потому что речь шла о тех частях, которые «только что обеспечили нам победу. Неизвестно было в тот момент, не придется ли им сражаться с так называемыми лояльными отрядами, отправленными против столицы». Это — многозначное признание о солидарности Милукова и Комитета Думы с войсками петроградского гарнизона. Их солидарность была основана на общем страхе возмездия в случае провала революции.

Угроза дисциплине и боеспособности армии становилась еще сильнее от повторного утверждения (пункты 2 и 8) полных гражданских прав солдат, хотя это утверждение и сопровождалось раздражающим напоминанием о необходимости поддерживать дисциплину и ограничивать гражданские свободы, согласуясь с «военно-техническими соображениями». Наконец, заключительное заявление, слабо и как бы извиняющимся тоном провозглашавшее *bona fide* Временного правительства, неизбежно производило как раз обратное впечатление: *qui s'excuse, s'accuse*¹.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 14

¹ Милюков, ук. соч. (прим. 5 к гл. 8), т. 2, стр. 310.

² Именно это слово употреблено Милюковым. Ук. соч., т. 2, стр. 299.

³ См.: Аронсон, ук. соч. (прим. 25 к гл. 8), стр. 138 и далее.

⁴ См. гл. 11, § 6 и далее.

⁵ Бубликов, ук. соч. (прим. 12 к гл. 11).

⁶ АРР, I, стр. 49 и далее.

⁷ См. гл. 8, §§ 2 и 3 и примечания.

⁸ См. гл. 15, § 2 и далее.

⁹ О роли, которую он сыграл в поединке между Гестапо и НКВД, что привело к похищению в Париже советскими агентами генерала Миллера, причем советские агенты выдавали себя за эмиссаров Германии, см. гл. 12, § 6.

¹⁰ Трудно понять, почему профессор Броудер и А.Ф. Керенский сочли нужным воспроизвести в сборнике «Русское Временное правительство» эти статьи Львова без комментариев и ни словом не упоминая о протесте Набокова.

¹¹ В. Набоков. Временное правительство. АРР, I, стр. 43.

¹² Kerensky. The Catastrophe. London, 1927, p. 12.

¹³ Суханов, ук. соч. (прим. 14 к гл. 10), том I, стр. 201 и далее.

¹⁴ Милюков, ук. соч., т. 2, стр. 298.

¹⁵ Не смешивать с «Известиями Петроградского Совета» под редакцией Бонч-Бруевича.

¹⁶ Политическая амнистия, о которой Керенский утверждает, что это он ее объявил, на самом деле уже была объявлена комиссарами Комитета Думы по министерству юстиции, В. Маклаковым и Аджемовым. — Милюков. История второй русской революции. София. 1921–1923, т. 1, вып. 1, стр. 47.

¹⁷ См. гл. 13, § 3.

¹⁸ R.P. Browder and A.F. Kerensky. The Russian Provisional Government 1917. Stanford University Press, 1961, vol. 1, p. 136. — Милюков. История... т. 1, вып. 1, стр. 48.

¹ Кто ищет извинения, тот себя обвиняет.